

Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере)

© кандидат филологических наук В.В. Красных, 1997

Языковая личность, изучение которой уже имеет свою историю, манифестирует себя во всем разнообразии своих проявлений в коммуникации. В рамках настоящей статьи мы не можем останавливаться на всех аспектах целого комплекса проблем, связанных с феноменом языковой личности, и сосредоточим наше внимание лишь на некоторых аспектах коммуникации и в первую очередь — на теоретическом рассмотрении ряда лингво-когнитивных феноменов, которые, как нам кажется, обуславливают национальную специфику одной. Объектом нашего внимания в данном случае является речевая деятельность, рассматриваемая нами, вслед за Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым и их последователями, как один из видов деятельности [2; 20; 19], и тот лингвально-ментальный комплекс, который стоит за каждым коммуникантом как “человеком говорящим” [17].

Разбирая концепцию Анны Вежицкой, Е.В. Падучева пишет: “Значение антропоцентрично, т.е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т.е. ориентировано на данный этнос. Нельзя на естественном языке описать “мир как он есть”: язык изначально задаёт своим носителям определённую картину мира, причём каждый данный язык — свою” [1: с.5-6].

Если попытаться выявить, что же определяет специфику языковой картины мира с точки зрения того, что “имеется” в голове человека, с точки зрения того, что и как хранится в сознании и как мы оперируем этим “информационным” массивом, то одним из возможных подходов является, на наш взгляд, попытка проанализировать те “блоки” (понятийные, концептуальные), которые предопределяют наше видение окружающего мира, наше восприятие и членение окружающей действительности, которые обуславливают национальную специфику стереотипов (как поведенческих в целом, так и коммуникативных, в частности) и которые всегда стоят “тенью отца Гамлета” за нашим поведением (в том числе и речевым). Эти “блоки” имплицитны и неощутимы, неосознаваемы, как неосознаваем нами воздух, когда его достаточно и он таков, к какому мы привыкли. Но как только этот вдыхаемый нами воздух меняет своё качество или количество, мы сразу “вспоминаем” о его существ-

вовании. То же происходит, и когда мы общаемся с представителями иных национально-лингво-культурных сообществ.

Вспомним мысль А. Вежбицкой о том, что "возможность успешной коммуникации между различными культурами напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создавать практически бесконечное число более или менее "идеосинкретичных" (специфичных для данной культуры) понятий (комбинируя примитивы в различных конфигурациях). Существование такого общего множества примитивов могло бы объяснить "психическую общность человечества" [Boas, 1938¹], а гипотеза о том, что лексикон разных языков воплощает различные конфигурации этого общего набора, отвечала бы за специфичные для каждой культуры аспекты языка и мышления. [...] ... имеется набор семантических примитивов, совпадающий с набором лексических универсалий, и это множество примитивов-универсалий лежит в основе человеческой коммуникации и мышления; а специфичные для языков конфигурации этих примитивов отражают разнообразие культур" [1: с.296-297].

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что коммуникация возможна только при наличии определённой общности знаков (см., например, [9; 26]): именно это обуславливает адекватность и, следовательно, успешность коммуникации. Однако эта общность обманчива: обладая различными слотами (валентностями), базовые элементы формируют разные конфигурации. Разность же "конфигураций" базовых элементов может спровоцировать коммуникативный сбой (неполное понимание) или коммуникативный провал (полное непонимание). Таким образом, то, что делает коммуникацию принципиально возможной, может сделать её и заведомо неадекватной: общность базовых элементов как таковых обуславливает принципиальную возможность общения, в то время как различия валентности таковых могут привести (и приводят) к коммуникативным неудачам.

Возвращаясь к разговору о глубинных блоках, хранящихся в голове у человека, можно, очевидно, предположить, что эта информация существует в виде некой "базы данных". Как мы² уже неоднократно (см., например, [11; 15; 16]) писали, каждый человек, каждая языковая личность обладает своим собственным *индивидуальным когнитивным про-*

---

¹ Boas, Franz. The mind of primitive man. Rev. ed. New York: Macmillan.

² Мы имеем в виду не только свои работы, но также и работы коллег и совместные работы, выполненные в рамках деятельности научного семинара "Текст и коммуникация", который работает на филологическом факультете МГУ с 1995 года. Его участниками являются преподаватели факультета: Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева и автор настоящей статьи.

странством (ИКП) как определённым образом структурированной совокупностью знаний и представлений. В индивидуальное когнитивное пространство необходимо (если считать человека существом социальным) входят *коллективные когнитивные пространства (ККП)* (как определённым образом структурированные совокупности знаний и представлений тех социумов, в которые данная личность входит) и *когнитивная база (КБ)* (как минимум — её ядро) того национально-лингво-культурного сообщества, членом которого данная личность является. Когнитивная база также представляет собой определённым образом структурированную совокупность знаний и представлений, но на уровне национально-лингво-культурного сообщества. Когнитивное пространство содержит в качестве ядерных элементов некие “культурные феномены” (термин Н.В. Уфимцевой). Ядерными элементами когнитивной базы являются *прецедентные феномены* (см. далее наст. ст., а также [11; 13; 14; 16])³. Когнитивные пространства и когнитивная база формируются *когнитивными структурами*, которые мы понимаем как содержательную форму кодирования и хранения информации. Данная информация включает в себя сведения (знания и представления) не только о реальном окружающем мире, но и знание языка и знание о языке. Следовательно, мы выделяем феноменологические и лингвистические когнитивные структуры (см., например, [15]).

Отличие когнитивных пространств от когнитивной базы состоит не только в “масштабе”, так сказать, внешнего охвата [15], т.е. для какого множества личностей эта совокупность является необходимо обязательной (кстати, как мы уже указывали в предыдущих работах, коллективное когнитивное пространство может по этому параметру и превосходить национальную когнитивную базу, например, конфессиональные общности или профессиональные союзы), но и по “внутреннему охвату”, по репертуару “единиц хранения”: в когнитивную базу входят не все культурные феномены (термин Н.В. Уфимцевой), а только национально-прецедентные, т.е., если воспользоваться термином Д.Б. Гудкова, “национально-детерминированные и минимизированные” [3]. Например, в КБ вербализуемые прецедентные феномены (прецедентный текст и прецедентная ситуация) входят в виде “национально-детерминированных, минимизированных” инвариантов восприятия, в то время как в когни-

---

³ Прецедентные феномены (о чем мы уже писали ранее) [11] могут быть национально-прецедентными, социумно-прецедентными и (гипотетически) универсально-прецедентными. Принцип “обработки” феномена, алгоритм “создания”, “становления”, “приобретения” прецедентности и статуса прецедентного, очевидно, один и тот же. Однако нужны дальнейшие исследования. Мы же в наших работах, говоря о прецедентных феноменах, имеем в виду национально-прецедентные.

тивных пространствах (ИКП и ККП) могут (и должны) наличествовать не только указанные инварианты восприятия (как часть КБ), но и индивидуальные и коллективные инварианты восприятия, а также, вероятно, знание самого прецедентного текста, самой прецедентной ситуации и определённые знания и представления о них. Такая же картина имеет место, и когда мы рассматриваем прецедентное имя: в когнитивную базу входит само имя, а также набор его дифференциальных признаков и атрибутов (о дифференциальных признаках и атрибутах имени см. [3], а также [8]). В индивидуальное же и коллективное когнитивные пространства могут входить, помимо указанного, сведения “дополнительные”, не являющиеся необходимо обязательными для всех представителей национально-лингво-культурного сообщества.

Итак, *когнитивная база есть определённым образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества.* В силу объективной минимизации хранящихся феноменов сама КБ будет являть собой скорее всего также “минимизированную”, достаточно, но не жёстко ограниченную совокупность феноменов-”культурных предметов”, представляющую собой “открытое” множество. “Открытое” не в смысле “бесконечное”, но лишь как способное к изменениям, когда какой-то элемент заменяется другим, аналогичным по природе и функциям.

Когнитивное пространство есть определённым образом структурированная совокупность всех знаний и представлений, присущих либо (1) конкретной языковой личности (ИКП), либо (2) тому или иному социуму (ККП).

Следует отметить, что не только когнитивная база, но и когнитивные пространства являются национально-детерминированными и национально-маркированными, что вполне объяснимо, т.к. “ядром” когнитивных пространств (и индивидуального, и коллективного монокультурного социума) служит когнитивная база того национально-лингво-культурного сообщества, которое является родным для носителя/носителей данного когнитивного пространства.

Данные положения окажутся для нас крайне актуальными и в связи с соотношением русской когнитивной базы и русского культурного пространства, о чём мы будем говорить чуть позже в настоящей статье.

Рассматриваемые нами “единицы хранения” информации существуют не изолированно друг от друга, напротив, они представляют собой взаимосвязанные фрагменты единого ментально-лингвального комплекса, образуют определённые более или менее устойчивые глубинные блоки, или “конфигурации” (по А. Вежбицкой), которые проявляются, в

частности, в ассоциативно-вербальной сети. Конечно, в ассоциациях "проступают" только контуры сложнейшего "многомерного" рисунка, так сказать, вершина айсберга, но изучение этого фрагмента языкового сознания позволяет выявить некоторые особенности языковой картины мира, так как, по мысли Лейбница, язык есть "наилучшее отражение человеческой мысли" (Gottfried Wilhelm Leibniz. New essays on understanding; цит. по [1: с.291; 325]).

Выявление данных блоков представляется нам, безусловно, необходимым, однако предъявить их полный перечень сегодня едва ли возможно, поскольку нам не известны результаты подобных исследований, проводимых другими авторами, нами же работа над этой проблематикой начата не так давно.

В настоящей статье мы хотели бы предложить некоторые наши размышления в связи с обработкой материалов, представленных в Русском ассоциативном словаре (РАС) [23]. Повторим ещё раз, что статьи РАС содержат как бы "верхушки", "нервные окончания" тех комплексов, которые кроются в глубине нашего сознания.

В ходе наших исследований мы пришли к выводу, что, помимо языковых клише и речевых штампов (которым посвящен целый ряд работ, см., например, [6; 24; 22]), существуют также и психологические феномены такого рода: *клише и штампы сознания* [15; 16]. Критерием разбиения последних, так же, как и лингвистических феноменов, служит наличие/отсутствие семантической, информационной нагрузки: клише сознания таковой обладает, штамп — нет. Из этого следует, что клише сознания связано с семантико-когнитивной ассоциацией, штамп сознания — с фонетико-звуковой [15].

Каждый элемент ассоциативно-вербальной сети обладает определённым набором ассоциативных связей. Эти векторы ассоциаций могут быть "свободными" или "предсказуемыми". *Предсказуемой* является ассоциативная связь, в основе которой лежит некоторый когнитивный феномен — культурный предмет. Клише и штамп сознания суть "кристаллизация" предсказуемой ассоциативной связи, фиксация предсказуемого вектора ассоциации.

Исследуя ментально-психическую природу данных когнитивных феноменов, мы пришли к необходимости выделения некой когнитивной единицы, которую мы назвали *фрейм-структурой*⁴ [12; 14; 15; 16]. Если попытаться кратко её охарактеризовать, то это лучше сделать следую-

---

⁴ К сожалению, мы не можем останавливаться на терминах, встречающихся в литературе, таких, как "фрейм, гештальт, скемата" и т.д. Отметим только, что ни приведенные термины, ни их понимание не являются абсолютно аналогичными тому, что представлено в настоящей статье.

щим образом: *фрейм-структура есть когнитивная единица, формируемая клише сознания и представляющая собой "пучок" предсказуемых векторов валентности (слов, направленных ассоциативных связей)*. Эта единица, составная, но цельная, единая (так сказать "молекулярная", в отличие от "атомарной" когнитивной структуры), является знаком, "именем" (не в прямом смысле зачастую) "предмета" или ситуации. Отличие фрейм-структуры от "нефреймовых" валентностей состоит, на наш взгляд, именно в определённой предсказуемости ассоциативных векторов и, возможно, закрытости списка потенциальных ассоциативных связей. При "задействовании" одного из элементов фрейм-структуры активизируются все её элементы, но для актуализации выбирается какой-либо один элемент. Какой именно и почему — это, очевидно, предмет отдельного рассмотрения, равно как и вопрос о закрытости перечня потенциальных ассоциаций [12; 14; 15].

Ассоциация возникает при активизации ассоциативно-вербальной сети. Очевидно, в самой сети (и следовательно, в индивидуальном когнитивном пространстве и в когнитивной базе) клише и штампы сознания "хранятся" как фрейм-структуры. Статус клише или штампа единица приобретает только при функционировании в коммуникации. Однако, можно предположить, что некоторые единицы "тяготеют" к штампам. Это в первую очередь единицы, которые (1) не имеют глубинного значения [7] или (2) глубинное значение которых, как правило, бывает нерелевантно, т.к. стимулом-"зацепкой" для ассоциации служит не весь феномен, как таковой, а лишь его фрагмент [12]. Наиболее ярким и характерным примером последнего может служить ассоциация по слову из прецедентного высказывания. Приведём примеры:

(1) *Мороз и солнце — день чудесный;*

(2) *Всё смешалось в доме Облонских; А ты любви моей не понял/у нас/я не хочу по расчёту* (примеры на "А" взяты нами из РАС).

Показателем штампа, на наш взгляд, может быть признано, в частности, употребление единицы не в прямом значении с целью подчеркнуть красоту слога, поддержать разговор и т.д. (см. об этом, например, [22: с.99-100]); ср.: *"билет на балет"* и *"билет на спектакль, в театр, до Москвы, № 2"* (примеры из РАС). Понятно, что выражение *"билет на балет"* может быть употреблено и в прямом значении (если речь идёт о билете на балетный спектакль), и как штамп: *"Господи, а мой-то где билет на балет?"* (фраза, услышанная автором в разговоре двух носителей русского языка, один из которых искал свой единственный при входе в метро).

В связи с понятием фрейм-структуры возникает, в частности, вопрос о соотношении когнитивной базы и культурного пространства

(первая попытка рассмотрения данного вопроса была предпринята нами в соавторстве с Д.Б. Гудковым в [4]). Необходимость изучения данного вопроса обуславливается в том числе тем, что в работах исследователей используются такие понятия, как “культурно значимый фрейм” и “образные гештальт-структуры” [27]. Данные понятия разбираются в контексте культуры и языка: “Если номинативные единицы... (типа “самовар... перестройка”) обладают культурной памятью, но они способны за счёт своих собственных значений и их энциклопедического фона выполнять функцию указания на соответствующий культурно значимый фрейм” [27: с.82-83] (выделено нами — В.К.). И далее: “То, что культура “включена” в язык — факт неоспоримый: язык как средство коммуникации вбирает в значения (номинативных единиц в форме энциклопедического, концептуально-эпистемического содержания знака или ассоциаций с акциональными или ментальными фреймами) всё, что связано с культурно-традиционной компетенцией его носителей, транслируемой благодаря языку из поколения в поколение” [27: с.84-85] (выделено нами — В.К.).

Нам представляется возможным (а может быть, и необходимым) ввести данные понятия в нашу концепцию и попытаться приложить их к нашей системе прецедентных феноменов. Однако, как нам думается, понятие “культурно значимый фрейм” относится к культурному пространству, которое “выступает как форма существования культуры в сознании человека” и “включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-культурного сообщества” [4]⁵. В этом мы видим одно из отличий культурного пространства от когнитивной базы, которая включает в себя не всё многообразие феноменов, но лишь те, которые являются (национально-)прецедентными, при этом такие феномены, как прецедентный текст и прецедентная ситуация представлены в когнитивной базе в виде инварианта их восприятия. Итак, если рассматривать культурно значимый фрейм прецедентного феномена, то можно, очевидно, выделить его “составляющие”:

1. “содержание” (“наполнение”) прецедентного феномена⁶:

ПС	ПТ	ПИ	ПВ
↓	↓	↓	↓

⁵ См. наши рассуждения в настоящей статье о природе таких явлений, как когнитивное пространство и когнитивная база.

⁶ Принятые сокращения: ПС — прецедентная ситуация; ИВПС — инвариант восприятия ПС; ПТ — прецедентный текст; ИВПТ — инвариант восприятия ПТ; ПИ — прецедентное имя; ДП+Атр. — дифференциальные признаки и атрибуты; ПВ — прецедентное высказывание; сист.см. — системный смысл (о ПВ см. [7]).

ИВПС   ИВПТ   ДП+Атр.   сист.см.
(“нижний этаж”, а также ПИ и ПВ как таковые входят в когнитивную базу)

2. ”объективное окружение” прецедентного феномена:
  - а) для ПС, ПИ, ПВ, связанных с “породившим” их текстом — ПТ-источник;
  - б) для ПС, ПИ, ПВ, не связанных с таковым (“автономных”) — реалии, имевшие место и приведшие к их появлению (реальная ситуация, реальное лицо);
  - в) для ПТ — знания о тексте (автор, время создания и т.д.) и знание текста (сюжет, коллизии, персонажи и т.д.);
3. ”субъективное окружение” прецедентного феномена:

совокупность связанных с ПФ знаний и представлений отдельных представителей национально-лингво-культурного сообщества; данные знания могут быть более или менее общими, но в любом случае не являются необходимо обязательными для всех (в отличие от знаний, являющихся частью КБ), в области представлений может иметь место значительный разброс как между индивидуальными и коллективными представлениями, так и “внутри” первых и вторых (что невозможно, когда мы говорим о КБ, в которую входят только коллективные, при этом не просто коллективные, но общенациональные, национально-детерминированные, минимизированные представления);
4. условия использования ПФ в коммуникации (знание ситуаций употребления). В КБ также содержится информация о функционировании данных единиц, очевидно, в виде фрейм-структур (однако на этот вопрос еще только предстоит дать ответ).

Совершенно очевидно, что (2) и (3) никоим образом не входят в когнитивную базу; (1) и (4) являются фрагментами КБ, но с определёнными оговорками.

Что касается “образных гештальт-структур”, то, в данном термине для нас оказывается особенно важным первая его часть — “образные”. Отталкиваясь от традиционного понимания “образа”, как “совокупности чувственных впечатлений от объекта и слова как обобщающей категории, адекватно употребляющейся по отношению к ряду предметов и явлений” [5: с.25], исходя из авторского определения: “типовые для данного народа представления о каком-то свойстве человека, о состоянии или действии, о качественном или количественном признаке” [27: с.86], — можно сделать вывод, что они относятся скорее к (национальным)

стереотипам восприятия и оценки, т.е. являют собой некие “вешки” (“пометы”, “шкалы”, “параметры”) на осях национальной системы координат.

Обработка материалов, представленных в РАС, показала, что, помимо фрейм-структур, в основе которых лежат прецедентные феномены [11], существуют фрейм-структуры той же природы, но несколько иного порядка. Для начала вернёмся к определению прецедентного текста Ю.Н. Караулова [10: с.216], которое мы экстраполировали на прецедентные феномены в целом, считая, что учёный понимает термин “текст”, с нашей точки зрения, слишком широко [11]. Итак, немного модифицируя определение Ю.Н. Караулова, скажем, что к числу прецедентных мы относим феномены: 1) хорошо известные всем представителям национально-лингво-культурного сообщества (“имеющие сверхличностный характер”); 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в дискурсе представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества [12].

При таком широком понимании прецедентности совершенно очевидно, что прецедентными окажутся вообще все стереотипы, специфичные для того или иного национально-лингво-культурного сообщества. За всеми явлениями такого рода стоят пучки предсказуемых векторов, т.е. фрейм-структуры. Однако мы разграничиваем прецедентные (в широком смысле) феномены на собственно-прецедентные (прецедентные в узком смысле, далее — прецедентные феномены) и стереотипы, среди которых мы выделяем стереотипные (типовые) ситуации и стереотипные образы.

Различие между прецедентными феноменами и стереотипами состоит в том, что за прецедентным феноменом стоит некий конкретный, единичный феномен, так сказать, “денотат”, за стереотипом же стоит абстрактный, собирательный образ, так сказать, “сигнификат”. Если мы рассмотрим прецедентные феномены (в узком смысле) с точки зрения знаний и представлений, то получим следующую картину:

знания	представления
конкретное лицо (исторический деятель или персонаж произведения); прецедентное имя	инвариант восприятия прецедентного имени
конкретный текст	инвариант восприятия прецедентного текста
конкретная ситуация (имевшая место в истории или в каком-либо произведении)	инвариант восприятия прецедентной ситуации
прецедентное высказывание	инвариант восприятия прецедентного высказывания

В когнитивную базу безусловно входят представления, в данном случае — инварианты представлений прецедентных феноменов. Что касается знаний, то элементами когнитивной базы являются вербальные феномены: прецедентное имя и прецедентное высказывание. Знания о конкретном лице, конкретной ситуации, о конкретном тексте и знании самого текста представляют собой фрагменты культурного пространства (подробнее см. [14]).

Что касается стереотипов, то в этом случае весьма затруднительно (точнее — невозможно) найти какой-либо конкретный единичный "прецедент", аналогичный тому, с каким мы имеем дело, когда анализируем прецедентные феномены.

Выскажем предположение, что прецедентные феномены (как минимум в виде инвариантов их восприятия) входят в когнитивную базу, в то время как стереотипы не являются элементами таковой, будучи репрезентантами культурного пространства (о соотношении когнитивной базы и культурного пространства см. [4] и [14]).

Далее, прецедентные феномены, входящие, как было сказано, в национальную когнитивную базу, могут быть как национальными, так и универсальными (например, многое из того, что связано с Библией, безусловно, выходит за рамки не только национального сообщества, но, вполне возможно, и конфессионального христианского социума). При этом к числу "универсалий" может принадлежать: (1) сам прецедентный феномен, (2) фрейм-структура и, следовательно, векторы ассоциаций (слоты, выделяемые в том или ином феномене в разных сообществах-этносах могут не быть "фокальными точками" [28]), (3) коннотации. Обратившись к уже упомянутому нами, едва ли не самому прецедентному тексту — Библии, можно без особого труда найти примеры такого рода: 30 сребреников — Иуда — предательство — последняя вечеря — поцелуй предателя и т.д., Понтий Пилат — умыть руки и др. Для того, чтобы обнаружить различия в (2) и (3), необходимы дополнительные сопоставительные исследования. Сегодня мы можем апеллировать только к "отрицательному" материалу, который мы наблюдаем в процессе преподавания русского языка в иноязычной аудитории (когда учащиеся совсем не понимают или не до конца понимают русский текст, делают "неправильные", с точки зрения русского, выводы, приводят "некорректные", на русский взгляд, примеры или сравнения и т.п.). Национальные прецедентные феномены многочисленны, их рассмотрению посвящён целый ряд работ, в том числе, и участников упомянутого семинара (например, [11]). Частично некоторые из национально-прецедентных феноменов будут нами представлены в настоящей статье,

поэтому мы не будем сейчас на них останавливаться и перейдём к обсуждению стереотипов.

Стереотипы, о которых идёт речь в данной работе, всегда национальны. Правда, в ряде случаев можно найти аналоги в различных культурах. Однако при столкновении с такими "квазиуниверсалиями" необходимо проявлять особую осторожность: чаще мы имеем дело с феноменами конгруэнтными, но не тождественными, т.е. совпадая в целом или в основном, феномены могут различаться нюансами, деталями, имеющими подчас принципиальное значение. Например, феномен и ситуация очереди в разных культурах различны, следовательно, и поведение⁷ в очереди будет различным (так, в России принято, как правило, спрашивать "Кто последний?/Вы последний?" или просто вставать в очередь; в ряде же европейских стран в "присутственных местах" (на почте, вокзале и т.д.) принято подойти к специальному аппарату и оторвать квиток с номером, а после этого просто следить за цифрами, загорающимися над окошками). Такие ситуации так или иначе, осознанно или интуитивно выделяются теми, кто работает с иностранцами, и, если вспомнить учебники иностранных языков, то тематические блоки именно такие стереотипные ситуации и отражают (хотя, безусловно, в реальности таких ситуаций несоразмерно больше, чем это может быть представлено в каком бы то ни было учебнике). Помимо ситуаций, к стереотипам принадлежат и определённые образы (последние всегда ярко национально маркированы); в качестве примеров можно было бы привести многочисленные стереотипы животных (и отсюда стереотипные сравнения, типа: "трудолюбив, как муравей/пчела", "хитёр, как лиса" и др.) или "национальные" стереотипы (типа "любезный, любвеобильный, изысканный, как француз", "пунктуальный, как немец" и т.п.). Интересным нам представляется следующий пример: автору пришлось столкнуться с остро негативной реакцией русских людей среднего и старшего возраста на новую военную форму, вернее — на новые фуражки офицеров российской армии; насколько автор статьи может судить, эта реакция была вызвана высокой верхней частью головного убора, которая у многих русских ассоциируется с немецкой военной формой времён фашистской Германии. В данном случае, на наш взгляд, имеет место сложный комплекс феноменов: образ "война" (стереотипный образ), знания и представления о Великой отечественной (прецедентный феномен), образ "военный" (стереотипный образ), образ "военнослужащий немецкой фашистской армии времён II мировой войны" (стереотипный образ на основе прецедентного феномена — ситуации; кстати, стоит отметить,

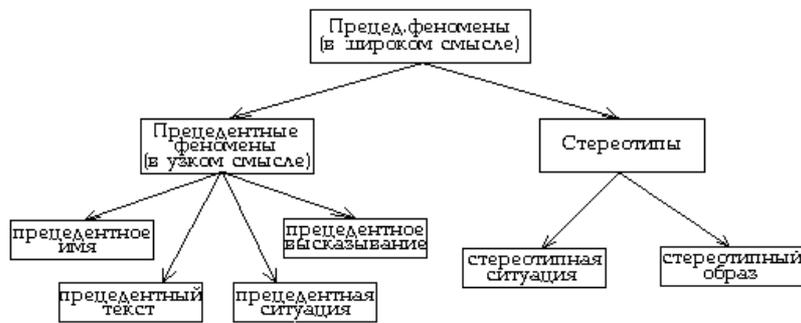
---

⁷ Ср: "... культура, мыслимая как "ряд" (вспомним Ю. Тынянова), либо как мозаика социальных норм и ценностей, реализуется через индивидуальные действия" [21: с.22].
138

что, по данным РАС, стимул "немецкий" вызвал реакции "фашист, фронт").

Таким образом, все феномены, которые могут быть признаны прецедентными в широком смысле, стереотипными, подразделяются нами на два класса: собственно-прецедентные феномены и собственно-стереотипы; каждый из этих классов делится на несколько подклассов. На схеме это выглядит следующим образом (см. схему):

Схема. Типы феноменов.

Приведём ещё несколько примеров из числа фрейм-структур, обнаруженных нами в РАС. Мы приводим не всю статью, а только те проявления фрейм-структур, которые нам кажутся релевантными в данном случае; более того, по возможности мы попытались сгруппировать различные ответы-реакции на основании какого-либо признака. Например:

- гора*
- Магомет; Магомета; и Магомет; к Магомету; не идёт; идти; магометова; не идёт к Магомету; пошла к Магомету; с плеч; с горой; с горой не сходится; мышь; и мышь;
  - Высоцкий; лучше гор могут быть только горы;
  - Голгофа; Илионская; Сион; Христос;
  - медная; самоцветов⁸;
  - Сим-Сим;
- девушка*
- моей мечты;
  - и смерть;
  - Ренуар;
  - с веслом;

⁸ Возможно, имеет место ассоциация через "Хозяйку Медной горы".

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

<i>дядя</i>	- Ваня; - Стёпа; милиционер; Фёдор; - самых честных правил; Онегин; Пушкин; - Сэм;
<i>ель</i>	- Новый год; новый; новогодняя; к Новому году; праздник; отдых; зимняя; зима; под снегом; заяц ⁹ ; - Гёте; - Михайловское; Пушкин;
<i>жизнь</i>	- прекрасна; прекрасна и удивительна; - малина; бьёт ключом; - хороша; хорошо; - прожить; прожить, не поле перейти;, поле; не поле перейти; - Клима Самгина; - без конца; без края; - за царя; - и слёзы; - иль ты приснилась мне!; - моя жестянка; - на Марсе; - я люблю тебя;
<i>зеркало</i>	- Тарковский; Тарковского; - для героя; героя; - русской революции; - пенять; - сказка; сказка Пушкина;
<i>картина</i> ¹⁰	- корзина; - Гранин; Гранина; Д. Гранин; по Гранину; - Пушкинский музей; Эрмитаж;
<i>квадрат</i>	- чёрный; красный; Малевича; Малевич; нарисован; нарисованный; рисунок; чёрный Малевича; - Пифагор; Платон;
<i>кузница</i>	- счастья; кадров; жизни; знаний; идей; науки; рекордов; (и

⁹ Возможно, имеет место ассоциация через детскую песенку “В лесу родилась лочка” (“Под нею зайчик серенький...”).

¹⁰ Следует отметить, что данная статья РАС содержит немало им,н художников, которые, как и “именной список” РАС в целом, могут явиться, на наш взгляд, предметом особого рассмотрения. В настоящей же статье мы приводим только те имена, которые являются прецедентными (в нашем понимании) или за ними стоит прецедентный феномен, служащий основанием той или иной фрейм-структуры.

	т.п.); здоровья; здравницы;
	- цыган; Будулай;
	- Гефест; Гефеста;
	- Вакула;
<i>мучение</i>	- Христа; Христос; Бог; во спасение; Господне; крест; святого;
	- Достоевский;
	- Афганистан;
	- Гамлета;
	- звёздные войны;
	- Зерро;
	- Сизифа;
	- хождение по мукам;
<i>нос</i>	- Гоголь; Гоголя; Н.В. Гоголь; Петербург; писатель; у Гоголя; Шинель;
<i>(носам;</i>	
<i>носам; но-</i>	- Буратино;
<i>сами; носов;</i>	- армянин; грузин; грузинский; Грузия; индеец;
<i>носом; но-</i>	- <i>(носам)</i> не верь своим; <i>(носам)</i> по ветру; <i>(носу)</i> не подточит;
<i>су)¹¹</i>	
	- <i>(носов)</i> писатель; Незнайка; Николай ¹² ; писатель детский; рассказ; рассказы; Фантазёры;
<i>оковы</i>	- тяжкие; падут; тяжкие падут; Пушкин.

Представленные ряды содержат фрейм-структуры, за которыми стоят прецедентные феномены (напр., *Христос* и всё, что с ним связано; писатели: *Пушкин, Гоголь, Достоевский, Носов* и др. — и их произведения, а также представления о них), стереотипы (напр., “новогодние” ассоциации на слово-стимул “ель”; “национальные” ассоциации на слово-стимул “нос”), а также штампы (напр., *гора — Магомет и т.д.; с плеч; жизнь — малина*).

Итак, что же необходимо для адекватной коммуникации? Совершенно очевидно, что “для общения коммуникантам необходима общность знаковых средств и определённая общность социального опыта”.

¹¹ Мы приводим в правой колонке слово-стимул только в том случае, если это представляется нам релевантным. Например, только форма “носов” даёт реакцию через омонимичную данной форме фамилию известного детского писателя. Такая же картина наблюдается и в случае с реакциями “не верь своим” (через штамп “не верь глазам своим”), “не подточит” (через “комар носа не подточит”).

¹² Мы сочли возможным воспроизвести этот ответ, т.к. имя писателя Носова — Николай. Однако, учитывая, что это — единичная реакция, мы признаём вероятность и иной ассоциации.

И хотя “последняя никогда не бывает полной” [26: с.146], всё-таки можно говорить о потенциальной возможности зоны пересечения ИКП коммуникантов, достаточной для адекватной коммуникации. Более того, зачастую наблюдается такое взаимопонимание коммуникантов, которое часто называют пониманием с полуслова. Очевидно, это связано с тем, что “идеальная коммуникационная ситуация возникает не тогда, когда смысл и содержание совпадают (это, видимо, в принципе невозможно), но когда хорошо согласуются содержание, вкладываемое в текст автором, и извлекаемая адресатом семантическая информация. Для этого нужно не только и не столько наличие у автора и адресата общей структуры поля значений, сколько общность отмеченных элементов в этом поле”, однозначно выделяемых участниками коммуникации элементами — “фокальных точек”. Последние “связаны не с языком, а с речью, с конкретной коммуникативной ситуацией” [28: с.33-34]. Мы считаем, что “идеальная” ситуация общения имеет место именно тогда, когда у коммуникантов максимально широкая пресуппозиция (что возможно при “совпадении” коллективных когнитивных пространств и активизации одних и тех же участков когнитивной базы), которая и позволяет им “отмечать” одни и те же “фокальные точки”. И тогда, в таких ситуациях “для выражения своей мысли, иногда достаточно сложной, говорящий употребляет условный знак-сигнал, который понятен слушающему в силу его знакомства с конситуацией, общности каких-то предварительных сведений, разъясняющего жеста и т.п. По существу мы имеем дело с явлением, при котором происходит сплав (синтез) звуковой речи и невербальных средств коммуникации (общности апперцепционной базы¹³ и/или конситуации, иногда жеста)” [9: с.64-65] (выделено нами — В.К.).

Предложенная нами статья содержит сугубо теоретические выкладки и некоторые наши размышления о том, что обуславливает национальную специфику коммуникативного поведения “человека говорящего”. В целом следует отметить, что статья скорее ставит вопросы, нежели предлагает какие-либо их решения, т.к. затронутые проблемы еще только ждут своего разрешения. Сама же проблематика представляется нам весьма актуальной, поскольку фрейм-структуры и стоящие за ними прецедентные (в самом широком смысле) феномены, их определенное сочетание, сплав и составляют ту призму, тот “магический кри-

---

¹³ *Общность апперцепционной базы* понимается как наличие общих предварительных сведений, общего житейского опыта у собеседников [9: с.8]. Следствие — многое можно не называть, не объяснять, оставлять невыраженным.

сталл”, сквозь который мы смотрим на окружающий мир и оцениваем его. Знание описываемых феноменов коммуникантами обуславливает успешное протекание коммуникации при использовании максимально точных, емких и экономных средств выражения мыслей и самовыражения.

Л и т е р а т у р а

- [1] *Вежбицка А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- [2] *Выготский Л.С.* Мышление и речь, М.-Л., 1934.
- [3] *Гудков Д.Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1994. №6.
- [4] *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация. Доклад на Ломоносовских чтениях, филологический факультет МГУ, 1996. В печати.
- [5] *Дергачева Л.А.* Исследование взаимоотношения образа и слова в обобщении // Проблема модели в философии и естествознании. Фрунзе, 1969. С. 25-31.
- [6] *Дридзе Т.М.* Язык информации и язык реципиента как факторы информированности // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972. С. 34-80.
- [7] *Захаренко И.В.* Прецедентные высказывания и их функционирование в тексте // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 92-99.
- [8] *Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В.* Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов (см. наст. сб.)
- [9] *Земская Е.А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.
- [10] *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- [11] *Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В.* Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации. В печати.
- [12] *Красных В.В.* В поисках “магического кристалла” (к вопросу о фрейм-структурах сознания) // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. М., 1997. С. 34-46.
- [13] *Красных В.В.* Иван Сусанин умывает руки (о макрокогнитивном аспекте дискурса в политической сфере) // Политический дискурс в России. Материалы рабочего совещания. 30 марта 1997 г. М., 1997. С. 36-41.
- [14] *Красных В.В.* К вопросу о русской когнитивной базе и русском культурном пространстве // Сопоставительная грамматика и теория коммуникации. М., 1997. С. 23-33.
- [15] *Красных В.В.* Коммуникация в свете лингво-когнитивного подхода // Функциональные исследования: Сборник статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 3. С. 67-83.
- [16] *Красных В.В.* О чём не говорит “человек говорящий” // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации. М., 1997. С. 81-91.
- [17] *Красных В.В.* Человек умелый. Человек разумный. Человек... “говорящий”? (некоторые размышления о языковой личности и не только о ней) // Функциональные исследования: Сборник статей по лингвистике. М., 1997. Вып. 4. С. 50-56.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 1. - 192 с.

- [18] *Леонтьев А.А.* Язык не должен быть “чужим” // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 41-47.
- [19] *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- [20] *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972.
- [21] *Панков А.В.* Разгадка М.Бахтина. М., 1995.
- [22] *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. М., 1996.
- [23] *Русский ассоциативный словарь.* М., 1994, 1996.
Книга 1. Прямой словарь: от стимула к реакции.
Книга 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу.
Книга 3. Прямой словарь: от стимула к реакции.
Книга 4. Обратный словарь: от реакции к стимулу.
- [24] *Сорокин Ю.А.* Стереотип, штамп, клише: к проблеме определения понятий // Общение: теоретические и прагматические проблемы. М., 1978. С. 133-138.
- [25] *Сорокин Ю.А.* Этническая конфликтология. Самара, 1994.
- [26] *Тарасов Е.Ф.* Статус и структура теории речевой коммуникации // Проблемы психолингвистики. М., 1975. С. 139-150.
- [27] *Телия В.Н.* Роль образных средств языка в культурно-национальной окраске миропонимания // Этнопсихолингвистические аспекты преподавания иностранных языков. М., 1996. С. 82-89.
- [28] *Шрейдер Ю.А.* Семантическая информация и принцип фокализации // Проблема модели в философии и естествознании. Фрунзе, 1969. С. 32-48.
- [29] *Язык и сознание: парадоксальная рациональность.* М., 1993.